

УДК 177

ПРЕДЫСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич,

доктор культурологии, профессор кафедры философии,
экономики и социально-гуманитарных дисциплин
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В Российской империи первой половины XIX века становление форм и институтов гражданского общества происходило во взаимосвязи с разложением сословного строя и в то же время на основе последнего. В социокультурной среде дворянства наряду с институтами семьи и государственной службы возникли первые общественные объединения: масонские ложи, клубы, салоны, литературные кружки, офицерские организации, тайные политические общества. Исторически генезис гражданского общества был связан с предшествующим сословным строем, а в современной России построение гражданского общества разворачивается в иных социальных условиях, поэтому перспективы этого процесса остаются неясными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское общество, сословный строй, общественные объединения, ложи, клубы, салоны.

SHIPILOV A.,

dr. of culturology, professor of the department of philosophy,
economic, social and humanitarian disciplines
Voronezh State Pedagogical University

PREHISTORY OF THE CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

ABSTRACT. In the Russian Empire of the first half of the XIXth century, the formation of the institutes of a civil society was closely connected with the decomposition of the estate system, and, at the same time, on its basis. In the social environment of the nobility, side by side with institutes of family and public service, there appeared the first public associations: masonic lodges, clubs, saloons, literary societies, officer organizations, secret political organizations. Historically, the genesis of the civil society was connected with the previous estate system, while the construction of the civil society in modern Russia is developing under other social conditions, therefore, the perspectives of this process remain unclear.

KEY WORDS: civil society, estate system, public associations, masonic lodges, clubs, saloons

Вопрос о развитии, построении и самом наличии гражданского общества в современной России является сегодня одним из наиболее широко обсуждаемых как в специальной, так и в популярной литературе и СМИ. Ситуация сегодняшнего дня может быть охарактеризована как эпифеномен военно-революционного процесса 1910 – 1920-х гг., результатом которого стало уничтожение как рудиментов сословного строя, так и элементов гражданского общества; под лозунгами социальной модернизации в стране произошла резкая архаизация общественных отношений. Доминирующее значение получили нормы и институты крестьянской социальности с присущей ей слабой структурированностью и органическим анархизмом, что закономерно привело к колоссальному увеличению объема функций политической, т.е. партийно-государственной системы, так как чем меньше обще-

ство способно к самоорганизации, тем больше эту роль берет на себя государство. Изменения последующих десятилетий имели противоречивый характер: военно-политической необходимостью был стимулирован и даже катализирован модернизационный процесс, внешним выражением которого стали индустриализация и урбанизация, а внутреннее содержание свелось к разрушению традиционного крестьянского социума. Одновременно оказался разрушенным и городской социум, так как при жизни фактически всего двух поколений основная масса населения переместилась из деревни в город, который из всех своих функций сумел сохранить при этом лишь функцию индустриального центра. Все предельно допустимые нормы темпов урбанизации оказались многократно превзойденными, поэтому как традиционный крестьянский, так и традиционный городской социумы резко

деградировали, а господствующее положение занял некий симбиоз, городской по внешней форме и крестьянский по внутреннему содержанию, оказавшийся на удивление устойчивым и не склонным к изменению. Следствием этого стало падение прежнего политического строя, где гипертрофия структурно-организующей функции государства выступала обратной стороной гипотрофии способности крестьянского общества к самоорганизации и самоуправлению. В течение последних двух десятков лет произошла кристаллизация нового политического режима, более органичного для того симбиотического социума, который окончательно сложился к 80-м гг. XX века. Естественно, что функционирование его представляет собой перманентный конфликт формы и содержания, когда государство по крайней мере формально постулирует необходимость развития норм и институтов *civil society*, а значительная часть общества продолжает во всем апеллировать к государству.

Вопрос о том, возможно ли в этих условиях «возникновение» и/или «построение» гражданского общества, остается открытым, ибо исторические прецеденты отсутствуют: дело в том, что характерный для эпохи модерна тип нации-государства складывался в совершенно ином социокультурном ландшафте, где становление и развитие институтов гражданского общества являлось оборотной стороной упадка и деградации институтов сословного строя. В Российской империи этот процесс в силу ряда причин был малоинтенсивным и затянулся более чем на столетие (с конца XVIII века до 10-х гг. XX века), не достигнув при этом своего завершения: к началу Первой мировой Россия подошла, так и не успев выбраться из *ancien r gime*, а издержки войны оказались столь велики, что существовавшая социально-политическая структура не выдержала перегрузки и страна оказалась ввергнута в военно-революционный хаос, породивший нечто совершенно иное, чем гражданское общество. Тем не менее на протяжении этого периода в России возникли и более или менее последовательно развивались определенные формы той социальности, которую можно охарактеризовать как прото-гражданскую, и это прото-гражданское общество, возникавшее в ходе разложения сословного строя, в то же время формировалось на основе последнего; представляется, что рассмотрение ряда аспектов этого процесса не только имеет значение исторической реконструкции, но и может дать определенный материал для размышлений на тему о перспективах гражданского общества в современной России.

Почвой, на которой произрастали первые ростки гражданского общества, была специфическая социокультурная среда дворянства. Принципиальной особенностью дворянского социума являлось то, что он был в высочайшей степени интегрирован семейно-родственными структурами. Дворянские фамилии были весьма многочисленными, а семейные связи – исключительно крепкими (ибо основывались на праве владения и наследования имений): отец и мать, их отцы и матери, несколько детей, их семьи, родные,

двоюродные и троюродные дядюшки и тетюшки, племянники и племянницы – семейства насчитывали по несколько десятков человек, а в пределах наличного и ясно осознаваемого родства находились сотни людей. Однако не следует думать, что российское благородное сословие представляло собой совокупность вертикально интегрированных родовых поместных «дворянских гнезд»; наоборот, дворянство представляло собой некую ризомную структуру, было организовано по сетевому принципу. Дело в том, что каждое более-менее состоятельное дворянское семейство владело, как правило, не одним крупным, а несколькими мелкими имениями, раскиданными по всей европейской части империи. В свою очередь, и офицеры, и гражданские чиновники все время перемещались в связи со служебной необходимостью из губернии в губернию, и их семейства следовали за ними; отставные и неслужащие дворяне, в свою очередь, постоянно курсировали между уездным или губернским городом, своими многочисленными поместьями, имениями родственников, свойственников, соседей, товарищей и знакомых, двумя столицами и заграницей.

Это непрерывное кочевание имело своим следствием то, что все друг друга знали, все были друг с другом связаны по службе, родству, свойству, соседству, товариществу и дружбе. Дворянство представляло собой некую имперскую общину; коммуникации внутри этой системы были весьма и весьма оживленными – в любом частном письме упоминаются десятки имен, постоянно сообщается или запрашивается информация о родственниках, друзьях, знакомых, о том, кто куда приехал, уехал, женился, заболел, умер, о детях и т.д. Еще более интенсивными были контакты на бытовом, сенсительном уровне: кроме обычных связей родных, сослуживцев и соседей, возникающих и существующих сами по себе, существовали целые специальные институты, прямо предназначенные для завязывания личных отношений (в первую очередь, балы). В результате официальные служебные и частные родственно-товарищеские отношения теснейшим образом переплетались друг с другом – nepотизм был нормой и неизбежным следствием специфики дворянского образа жизни.

Однако, начиная с эпохи Екатерины Великой, наряду с миром официальным и миром частным стали возникать такие социальные формы, которые ни по генезису, ни по функциям не имели никакого отношения ни к службе, ни к семье; это был «третий мир» – мир общественной жизни. Определяющей характеристикой этого мира стало то, что он не основывался на «естественных» семейно-родственных структурах и связях и в то же время не формировался извне – государством, в его собственных целях; новые формы социальности как раз и отличались тем, что они создавались теми или иными лицами и группами самостоятельно, по своей собственной инициативе. Участие в деятельности таких структур не приносило денег, земель, крепостных душ, чинов и т.д.; наоборот, обычно это требовало некоторых расходов и определенных жертв и мог-

ло как способствовать семейному процветанию и успешной карьере, так и препятствовать последним. Поэтому тот факт, что все большее и большее количество людей соглашалось принести такого рода жертвы, говорит о все большем и большем стремлении к выходу за пределы семьи и службы, к обретению себя не в качестве чьего-то родственника и чьего-то подданного, а в качестве независимого социального актора, свободного члена гражданского общества.

Говоря о появлении новых форм социальности, явившихся первыми ростками формирующегося гражданского общества, следует прежде всего остановиться на масонстве. В России масонство играло роль именно формы общественной активности; масонские «работы» могли иметь мистическое, филантропическое, просветительское, даже политическое направление – выбор и содержание деятельности масонов за стенами лож никак не зависели от того, что происходило в самих этих стенах. Все эти посвящения, собрания, ритуалы, символы, бесконечные обсуждения разных систем, степеней и градусов были своего рода игрой – игрой в общество, существующее самостоятельно и свободно. Эта игра давала человеку новую идентичность: став каким-нибудь мастером стула, членом Капитула VIII провинции, посвященным в четвертую степень и принявшим седьмой градус, лицо нечиновное и незнатное исполнялось чувством свободы и ответственности, а лицо знатное и чиновное – чувством свободы от ответственности. В пресловутой масонской таинственности, во всех этих секретах полишинеля: символах, знаках, изображениях, в беспрестанных разговорах о высших градусах, внутреннем ордене и тайном знании – так и чувствуется настоящая игровая стихия. Значение масонства столь серьезно именно потому, что оно было игрой: когда взрослые люди придумывают себе какую-то особую жизнь, это свидетельствует об их неудовлетворенности жизнью реальной и о желании – осознанном или неосознанном – исправить, переделать или вовсе изменить последнюю.

Масонство появилось в России, скорее всего, не ранее начала правления императрицы Анны Иоанновны; при Елизавете Петровне существовало уже несколько масонских лож, членами которых являлись некоторые придворные вельможи, такие как граф Н.А. Головин, графы И.Г. и З.Г. Чернышевы и др. В 60-е гг. XVIII в. количество лож увеличивается, а в 70-е гг. начинается настоящий бум масонства, продолжавшийся до начала 90-х гг. Московские масоны под руководством М.М. Хераскова и Н.И. Новикова развили столь бурную деятельность в области книгоиздания, журналистики и филантропии, что обратили на себя внимание правительства. Екатерина II сначала выступала против масонства с помощью сатирических комедий, где среди прочего фигурировали и примечательные выпады типа: «Они в намерении имеют потаенно заводить благотворительные разные заведения, как-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлечь к себе людей богатых. Дела такого рода на что производить сокровенно? Когда

благим указанием открыты всевозможные у нас к таким установлениям удобства» [1]. Иными словами, когда просвещенная и либеральная императрица вдруг ощутила, что она уже не ведет общество за собой, как это было нормой со времен Петра I, что наряду с монаршими благими указаниями появилась самостоятельная, независимая общественная инициатива, то она была неприятно удивлена – у самодержавия впервые появился некий внутренний оппонент, и бесконечный монолог государя перед людским множеством вдруг сменился диалогом власти и общества. Екатерина II была человеком мягким и доброжелательным и попыталась по-доброму втолковать Новикову, раздражавшему ее еще со времен своих первых сатирических журналов, что он не прав; однако вскоре от литературной полемики императрица перешла к мерам более действенным. У Новикова отобрали типографию, а самого его в 1792 г. посадили в Шлиссельбург; были арестованы и высланы еще несколько видных масонов, ряд лож закрыли.

Павел I, придя к власти, освободил всех масонов (в т.ч. и Новикова), однако само масонство запретил – ему больше нравилась игра с Мальтийским орденом. Александр I, в свою очередь вступив на престол, тоже масонов первое время не жаловал, но больше на словах, потому что вскоре начался новый бум масонства. В 1810 г. управляющие ложами были вызваны к министру полиции, представили затребованную документацию и получили от властей разрешение на продолжение своей деятельности при условии предоставления отчетов о составе и работах лож. Источники, относящиеся к этому эпизоду истории русского масонства, очень любопытны: в письме министра полиции на имя начальников столичных масонских обществ, в частности, говорится, что правительство знает о существовании масонских лож, что те не подают никаких поводов для критики, однако слишком большое количество членов и взаимная конкуренция лож привели к тому, что «из тайных они стали почти явными, и тем подали повод невежеству или злонамеренности к разным на них нареканиям». «Цель истинного масонства не может быть никому предосудительна», – говорится далее, но это не мешает лишний раз проверить, поэтому «правительство изберет от себя двух особ, знанием и степенями своими в масонском деле известных. С сими двумя лицами под непосредственным наблюдением министра просвещения, каждый начальник ложи войдет в сношения и изложит им в духе доверенности и братства правила, основания и систему своей ложи» [там же, с. 335–336]. Таким образом, правительство обещает передать масонские документы на рассмотрение масонам же; ситуация приобретает еще более пикантный оттенок, если учесть, что в поданном списке членов одной из лож числился сам министр полиции А.Д. Балашов (в степени «рыцарей Востока»); членами той же ложи были граф С.С. Ланской, племянник будущего министра внутренних дел В.С. Ланского, и будущий шеф Корпуса жандармов и начальник III Отделения А.Х. Бенкендорф. В течение всех 1810-х гг. масонство в

России процветало; однако вскоре ситуация снова изменилась – до императора стали доходить сведения о революционных намерениях некоторых тайных обществ (декабристских), на Западе прокатилась волна восстаний и революций, подготовленных масонскими или аналогичными организациями, и в 1822 г. он почел за благо подстраховаться и прекратить деятельность всех тайных обществ, т.е. в первую очередь масонских лож.

Таким образом, на протяжении более чем полувека масонство в России играло роль одной из главных форм собственно общественной организации; до начала XIX в. это была почти что единственная структура, в рамках которой шел генезис гражданского общества. Членами масонских лож было множество людей, большинство из которых принадлежало к благородному сословию. Люди это весьма и весьма известные: если взять одних писателей, то можно привести имена А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, А.С. Грибоедова, П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкина (кстати, его отец и дядя тоже были масонами); из государственных деятелей следует назвать Н.И. Панина, И.В. Лопухина, А.Б. Куракина, М.М. Сперанского, А. Чарторыжского, В.П. Кочубея, Н.Н. Новосильцева, А.Н. Голицына, из полководцев – Н.В. Репнина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова и многих других (членами масонских лож были более 60-ти генералов [2]). Т.А. Бакунина составила список членов русских масонских лож, сведения о которых имеются в литературе; этот список насчитывает 3270 чел., и не менее 3/4 из них были дворянами [3].

Российское дворянство не было однородным в отношении знатности, чиновности и материального благосостояния; не было оно однородным и в политическом отношении, что показали события декабря 1825 года. Александр I недаром запретил масонские ложи: дело в том, что из шестисот человек, проходивших по делу декабристов, более ста двадцати являлись масонами. Масонами были А.Н. и Н.М. Муравьевы, С.П. Трубецкой, И.А. Долгоруков, С.Г. Волконский, П.И. Пестель, Н.И. Тургенев, Г.С. Батеньков, В.Ф. Раевский, Н.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев, М.С. Лунин, В.К. и М.К. Кюхельбекеры, М.А. Фонвизин, С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы, П.И. Колошин и многие, многие другие. Видимо, их масонство и их либеральные и даже республиканско-демократические идеалы были как-то связаны друг с другом; но как?

Возможно, что сама идея народного суверенитета, которой воодушевлялись декабристы, широко циркулировала в масонских кругах. Так, И.В. Лопухин считал, что право выше монаршей воли, из-за чего у него случались неприятные инциденты с не терпевшим никаких ограничений своей власти Павлом I; для него служить государю – это «соблюдать пользу государства и человечества вообще». Но как быть, если государь вдруг приказывает подданному сделать нечто, что, по мнению последнего, противоречит пользе государства, не говоря уже о человечестве? Ведь у этого подданного уже появилось соб-

ственное мнение: в масонском катехизисе Лопухина говорится о том, что подчиняться высшей власти следует «не токмо из страха наказания, но и по долгу совести» [4], а совесть подданный – материя столь тонкая, что самодержцу затруднительно принимать ее во внимание. Как писал М.М. Сперанский, «в России государь соединяет в себе все роды сил; он есть законодатель верховный, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов. Закон есть выражение воли государя...». Воля государя – закон, а закон – это воля государя; но должен ли самодержец подчиняться закону, раз он суть не что иное, как его собственная воля, его своеволие? Подчиняться закону – это подчиняться воле императора; но может ли монаршая воля быть беззаконной? Ответ Сперанского таков: «Всякое правление самовластное есть насильственное и никогда не может быть законным» [5]; таким образом, пусть монарх соединяет в себе какие угодно силы, но власть его не должна быть самовластием, она должна быть подчинена чему-то более высокому.

Но что может иметь приоритет над волей монарха, кроме Божьей воли? Ничего – ответил бы любой самодержец и был бы абсолютно прав; он отвечает за своих подданных перед Богом, и не дело государевых холопов встревать в диалог между Господином и Господом; для них Господь воплощается в Господине. Царь благ, ибо божествен; не царь – это благо, а благо – это царь. «Он, наш государь, подобен богу», – писал в своей известной «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошков. – «И в суде у царя, яко у бога, нет лица ни богату, ни убогу, ни силну, ни маломочну, всем суд един, и то стал быть суд божий»; потому-то «царю неслично на людях своих судом искать, но аще кто винен будет, то вся может имения его взять, и не токмо имения, но и смерть и живот в руце его есть» [6]. Царь не только Отец, он еще и Сын – он страдает за всех как искупитель и несет милость как избавитель. И вот эту великую царскую милость хотят подменить и подчинить мертвой букве закона?

Действительно – хотят: все конституционные мечтания и проекты представительского правления Сперанского направлены как раз на это, он прямо и открыто заявляет: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе». Император на коронации должен приносить присягу перед Евангелием: «Клянусь вверенным мне от бога народом управлять по законам государственным». А законы эти должна принимать выборная государственная Дума; вот и получается, что «не правительство рождает силы народные, но народ составляет силы его» [5, с. 25, 164, 225], – идея народного суверенитета, как она есть. Отсюда неудивительно, что третий масон – П.И. Пестель – в своей «Русской правде» мог написать: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народного, а не народ для блага правительства» [2, с. 108]. (М.С. Лунин тоже,

кстати, масон, уже находясь в Сибири, писал, что восстание 14 декабря 1825 г. было направлено «против обращения с нацией как с семейной собственностью» [7]). С брутальным характером Пестеля вывод для него был совершенно ясен – необходимо уничтожить всю императорскую фамилию и учредить республику (причем с порядками, весьма далекими от либеральных); а для подготовки революции удобнее всего использовать масонские ложи, по образцу которых организовывались декабристские тайные общества.

Конечно, у декабристского движения были и другие идеологемы и организационные формы, помимо масонских; большинство декабристов масонами все-таки не были, а для многих из тех, что все же состояли в ложах, их масонский опыт был лишь кратковременным и незначительным эпизодом. Дело в том, что масонские ложи в начале XIX в. перестали быть единственной организованной структурой гражданского общества. Еще в 1770 г. в Петербурге был создан Английский клуб, а к 1795 г. было основано семь различных клубов только в новой столице. К 1810 г. Английский клуб насчитывал более 300 членов; к середине века их количество достигло 400, и еще более 1000 человек значились в кандидатах [8]. Были еще клубы музыкальные, танцевальные и проч., с количеством членов в 300, 500, 600 человек и не только в Петербурге, но и в Москве, а также и в губернских городах.

Кроме клубов, еще со времен Елизаветы Петровны существовали салоны; в правление Екатерины II число их быстро увеличивалось, а в первые десятилетия XIX в. музыкальные, литературные и просто салоны стали явлением повсеместным. Одних литературных салонов, кружков, обществ и собраний в 1800 – 1810 гг. было создано 15, в 1810 – 1820 гг. – 27, в 1820 – 1830 гг. – 54, в 1830 – 1840 гг. – 44, в 1840 – 1850 гг. – 29, в 1850 – 1860 гг. – 15, и это в основном лишь две столицы; всего с середины XVIII в. по 60-е гг. XIX в. было создано около 400 различных литературных объединений (причем на долю XVIII в. приходится лишь два с половиной десятка) [9]. А ведь были еще музыкальные, научные и прочие объединения. Все это тоже говорит о формировании гражданского общества – сам факт существования любых общественных объединений, даже вне зависимости от их идеологии и деятельности, свидетельствует об этом.

Более того, с 1800-х гг. стали возникать организации, и своей идеологией, и своей деятельностью стремившиеся как раз к построению гражданского общества в политическом смысле. В 1807 г. М.Ф. Орлов организовал офицерский кружок в Кавалергардском полку; в 1809 г. М.А. Фонвизин создал такое же общество в Измайловском полку; в 1814 г. был создан «Орден русских рыцарей», в 1816 г. – «Священная артель», и т.д. Тайные организации, членами которых были как офицеры, так и гражданские чиновники, существовали и в провинции – в Оренбурге, Астрахани, Вильно, Белостоке и др. городах [2, с. 53, 161; 10]. Членами некоторых из этих обществ были и будущие декабристы, создавшие вскоре собственные тайные органи-

зации и начавшие подготовку к вооруженному перевороту.

История восстания декабристов достаточно известна, так что нет необходимости ее пересказывать; единственное, на что следует обратить внимание – это внутренне противоречивый характер самого движения, ставший главной причиной его поражения. Обманув солдат, которых, как известно, декабристы вывели на Сенатскую площадь призывом поддержать законного наследника Константина Павловича против узурпатора Николая Павловича, они не смогли обмануть самих себя: противопоставить служение Отечеству службе государю на деле оказалось куда труднее, чем на словах. Разумеется, они были «страшно далеки от народа»: Лунин писал позднее, что «тайное общество никогда не помышляло о сомнительном и опасном опыте обращения к страстям и буйству народа; оно хотело действовать на его разум и искоренять злоупотребления путем постепенного улучшения национальных учреждений» [7, с. 165]. Они действительно хотели «постепенного улучшения учреждений», а не военного переворота; «Союз спасения» несколько раз пытался контактировать с императором [11], «Союз благоденствия», созданный по уставу Тугенбунда, тоже не оставлял на это надежды по словам М.А. Фонвизина, его члены стремились «ревностно содействовать правительству в его благих намерениях. В первые годы царствования Александра он, конечно, не задумался бы объявить себя главою Союза благоденствия» [12]. Однако император, хотя и сохранял вплоть до начала 1820-х гг. определенные либеральные намерения, не нуждался в союзниках.

Несмотря на все рассуждения об общественном благе и народном суверенитете, декабристы оставались до мозга костей служилыми дворянами, слугами государя, в котором воплощалось для них государство. Значительная часть их выступала за конституционную монархию, и почти все были против царевубийства, необходимость которого проповедовал Пестель. Из всех декабристов, пожалуй, только Пестель являлся настоящим революционером, который «убил в себе государство» и потому был готов убить государя и уничтожить весь существующий строй; однако даже этот человек в ноябре 1825 г. собрался скакать в Таганрог – «принести государю свою повинную голову» [14]. Декабристы на Сенатской площади боролись не с Николаем – они боролись сами с собой и сами собой были побеждены. Руководитель восстания Трубецкой вместо того, чтобы руководить восстанием, присягнул Николаю и стоял в его свите; здесь же был Якубович, здесь же был Булатов с двумя пистолетами – у них в буквальном смысле не поднималась рука на императора!

На Сенатской площади друг другу противостояли не две силы, а два бессилия, но если бессилие императора было внешним и ситуативным, то бессилие заговорщиков было внутренним и неизбывным. Отряд лейб-гренадер во главе с Пановым попал вместо Сенатской площади на Дворцовую; они дошли до главных во-

рот Зимнего дворца и очутились лицом к лицу с императором, приводившим во дворе к присяге лейб-гвардии Саперный батальон; один залп повернул бы историю страны в иное русло – но восставшие исторически, помялись и отправились к своим на Сенатскую площадь. На этой площади одни стреляли в правительственные войска, другие им мешали; в выставленных против восставших частях было полно офицеров – членов тайного общества; имея в своем распоряжении три тысячи штыков, организаторы восстания протоптались весь день на одном месте, ничего не делая и ни на что не решаясь. Дело было не в недостатке войск – им не хватило бы и тридцати тысяч, ибо они не знали, что делать даже с теми, что находились в их распоряжении. В свое время Бурхарду Миниху для того, чтобы свергнуть известного Бирона (регента императора Ивана VI Антоновича), потребовалось семьдесят солдат, из которых непосредственно участвовали в деле лишь двадцать; Елизавете Петровне хватило одной роты, чтобы свергнуть Брауншвейгскую династию (правительницу Анну Леопольдовну и ее мужа генералиссимуса Антона-Ульриха); Павла I свергли и убили три с половиной десятка заговорщиков. Эти люди знали, что им нужно, чего они хотят и что рассчитывают получить в результате переворота; декабристы имели обо всем этом весьма смутные представления и заботились больше всего о том, чтобы не совершить чего-нибудь бесчестного.

Естественно, что с такими настроениями перевороты не совершают: столичная эпопея закончилась тем, что к Сенатской площади подтянули то ли четыре, то ли шесть орудий, нашли наконец к ним заряды и дали 7 выстрелов, после чего все восставшее войско разбежалось. В этом сражении, в котором с обеих сторон выступали тысячи солдат и офицеров, потери правительственных войск составили 6 человек убитыми и 36 ранеными, потери восставших – 13 убитых, 42 раненых, 28 пропавших без вести; при этом из 30 участников тайного общества, присутствовавших на площади, никто не был ни убит, ни ранен – все разошлись по домам жечь бумаги и ждать, когда придут их арестовывать. Совершенно в том же духе было и восстание Черниговского полка: после недельных беспечных блужданий по деревням к восставшим приблизился гусарский отряд в три эскадрона при одной конно-артиллерийской батарее (командир и все офицеры которой, между прочим, были членами Южного общества). Против 500 гусар и 2 легких орудий было более 900 человек пехоты; Муравьев-Апостол, непонятно почему, приказал своим солдатам не стрелять, зато правительственная батарея дала 8 залпов, в результате 1 офицер и 3 солдата из восставших были убиты, 3 офицера и 20 солдат ранены, а остальные 895 человек положили оружие и сдались [2, с. 199–201, 214; 11, с. 266–277].

Не следует думать, что тайные общества декабристов представляли собой сборища мякотелых неврасеников: по большей части это были люди военные, с большим боевым опытом – только в кампании 1812 г. принимали участие

свыше 100 будущих декабристов, а из тех 121, кто был осужден, 65 человек сражались при Бородино [2, с. 40]. Они умели воевать, умели командовать, но все эти умения оказались бесполезными в том предприятии, на которое они решились; декабристы были кровь от крови и плоть от плоти того государства, против которого они попытались выступить, и вот на это сил у них не хватило.

В сущности, декабристы были лишь наиболее радикально настроенными представителями гвардейского и армейского офицерского корпуса. Это было то самое поколение, по Эйдельману, «непоротых дворян» [15], продукт Манифеста 1762 г. и Жалованной грамоты 1785 г., превративших служилое шляхетство в благородное дворянство, обладающее личными, гражданскими и политическими правами. Еще, по историческим меркам, совсем недавно сам Петр I бил своих министров дубиной, а первые сановники не только друг друга «матерными лаями лаяли», но и от души обменивались тумакками и зуботычинами; но теперь все иначе – даже обер-офицерские чины преисполнены сознания своих прав и требуют к себе соответствующего отношения, не говоря уже о генералах.

Действительно, по крайней мере, некоторые боевые генералы, такие как А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, П.Д. Киселев, И.В. Сабанев, А.А. Закревский, вели себя с подчеркнутой независимостью в противоположность людям типа Аракчеева, Клейнмихеля, Дибича. Эти последние руководствовались понятиями предшествующего столетия, служить для них означало – служить государю, в персоне которого без остатка умещалось все, обозначаемое словом «отечество»; наоборот, для людей новой формации «государь» отделился от «отечества», причем последнее оказалось на первом месте, а первый – на последнем. Они не бегут от службы, как бегали петровские шляхтичи, они желают служить, но не лично монарху, а отечеству в его лице, они служат царю как государю, управляющему на основании законов. Известные заявления Петра Великого о служебном предназначении царской власти получили отклик веком спустя: теперь дворяне служат и царь служит, он как бы первый среди равных, а отечество выше их всех, вместе взятых.

Надо думать, что сам царь-реформатор, при всех своих эффектных заявлениях, был бы просто шокирован, если бы его генералы вдруг стали вести себя так, как генералы Александра I. Этим людям уже нельзя было приказывать давить яйца голым гузном – таких шуток они уже не понимали; какие там шутки! – у каждого из этих генералов было столько собственного достоинства, сколько не набралось бы у всего петровского шляхетства, вместе взятого, да еще с самим царем в придачу. Они не берут взятку, они гордятся тем, что не используют даже законных способов обогащения за счет казны типа посольских подарков и т.п., они даже в стесненных обстоятельствах не желают просить в долг у государя. Александр I спросил у Киселева, почему тот не попросит у него денег? «Я знаю, что

Вы охотно даете, Государь, – ответил он, – но не уважаете тех, которые принимают от Вас дары. Мне же уважение Ваше дороже денег» [13, с. 32]. В XVIII веке ни произнести, ни услышать нечто подобное было просто невозможным: просили все – да не всем давали, но если давали, это воспринималось как особая милость, как знак царского благоволения; а эти новейшие гордецы брезгуют императорской милостью. Они вообще не любят придворного духа, дворцовой атмосферы – а ведь в XVIII веке люди стремились к дворцу, как мухи на мед, – и лучшие люди! Ермолов, да и другие гордятся тем, что заслужили чины и звания своими делами, а не «породой»; но и при Петре I таких *self made man*’ов было пруд пруди, однако тот же А.Д. Меншиков из кожи вон лез ради титулов и того, чтобы породниться со знатью, а Ермолов не желал графского титула и заявлял об этом. А главное, все эти «новые люди» постоянно демонстрируют, что честь для них является высшей ценностью – выше чина, карьеры и даже самой жизни.

Именно формирование гражданского общества сделало честь, этот кодекс поведения личности в обществе, столь значимым институтом и столь высокой ценностью: жизненный горизонт дворянина уже не ограничивается рамками государственной службы, он живет уже не только и даже не столько в пространстве государства, сколько в пространстве общества. Мир государства сокращается, съезживается, а мир общества разрастается, и эти миры все больше не совпадают друг с другом: индивид, занимающий высокие позиции в одном, может иметь низкий статус в другом, и наоборот. Государство дает чины, звания, ордена, но это уже не единственный критерий социального статуса: популярностью и успехом в обществе могут пользоваться какие-нибудь отставные поручики, в то время как на генералов и даже императорских фаворитов могут смотреть с пренебрежением.

Фавориты Александра I и особенно Николая I вообще перестали представлять собой фигуры, подобные придворным исполнителям прежних царствований; дело в том, что двор в новом столетии как-то увял, перестал играть роль всеимперского политического, социального и культурного центра. Монаршее величие стало напоминать надувную игрушку, из которой начали выпускать воздух; Государь, подобный Богу, Император, на ладони которого, как пушинки, лежат смерть и живот его подданных, вдруг превратился просто в человека, сидящего на троне. Нет, он не потерял ни крупинки самодержавной власти, он все так же может казнить и миловать, но его корона, держава и скипетр уже не излучают той удивительной энергии, которая заставляла трепетать в восторге сердца людей. У царя остается власть, но у него нет больше силы; сила медленно, но неуклонно уходит к обществу. Речь идет еще не о суверенитете, но уже об авторитете: все выглядит еще вполне невинно – неудавшийся путч декабристов был исключением, и подавляющая часть дворянского общества единодушно осудила его. Однако это же самое общество может высказывать свое

«фи» правительству и самому государю иными способами – устраивая торжественные похороны опальных лиц, не пропуская любимцев императора в члены Английского клуба и т.п.

Император Николай I был по характеру столь деятелен, дотошен и неутомим, что своим поведением напоминал Петра I, которого он, надо сказать, просто боготворил и стремился ему подражать; он прямо говорил заезжему французскому путешественнику Астольфу де Кюстину – «мы продолжаем дело Петра Великого» [16]. Однако на самом деле Николай был настоящим антиподом Петра: их поведение и методы деятельности были очень похожими, но ее причины и цели – прямо противоположными. И Петр, и Николай любили армию и управляли с помощью военных, но если Петр поступал так из-за недостатка гражданских чиновников, то Николай – из-за их избытка. Петр хватался за все сам потому, что у него просто никого не было, кому бы он мог это поручить; Николай стремился все лично проконтролировать потому, что и без него все шло само собой, так что ему казалось, что построенный им самим бюрократический механизм не дает ему проявить его собственную, непосредственную, личную власть. И Петр I, и Николай I начали свое правление с подавления восстаний и казней, но если учиненная первым стрелецкая казнь была началом революции, то устроенная вторым казнь декабристов была началом реакции. Надпись на триумфальных воротах, выстроенных в честь его коронации, гласила: «Успокоителю отечества Николаю Первому» [17]: если Петр I будил, тормозил, толкал страну вперед, то Николай I ее убаюкивал, успокаивал и тянул назад. При Петре государство шло впереди общества и тянуло его за собой; при Николае уже общество шло впереди и тянуло за собой упорно упирающееся государство, и если государство было еще полицейским, то общество – уже гражданским.

Конечно, в возникновении и развитии гражданского общества в России первой половины XIX большую роль играли и другие факторы – приобретение той или иной совокупности гражданских прав неблагородными сословиями, развитие образования, новая роль литературы и журналистики, представители которых становятся подлинными операторами общественного мнения, и т.д. Однако все эти факторы вряд ли бы сыграли значительную роль, если бы в стране отсутствовало привилегированное сословие, обладающее огромными ресурсами власти и собственности и при этом юридически свободное от службы, налогов и повинностей. На протяжении многих веков Россия эволюционировала от вотчинного, сеньориального строя с присущим ему тождеством государства и общества к сословному строю, в рамках которого сложились предпосылки к диффракции общества от государства, т.е. предпосылки к формированию гражданского общества. Тот же путь прошли и другие европейские страны (правда, гораздо быстрее), где третье сословие смогло стать политической нацией не в последнюю очередь потому, что сначала ей стало первое: демократии предшествовала

аристократия.

Что же касается современной России, то здесь сложились принципиально иные условия, когда гражданство формируется на основе не дворянства или хотя бы бюргерства, а фактически на основе вчерашнего деклассированного крестьянства. Внешняя урбанизация прикрывает внутреннюю рурализацию; аграрные, индустриальные и постиндустриальные элементы образуют социокультурный слоеный пирог, в котором ситуация, когда один и тот же человек в течение одного и того же дня последовательно использует станок, компьютер и тяпку, является не столько исключением, сколько нормой. «Строительство» гражданского общества средствами государства приводит к тому, что после каждой «демократизации сверху» аппарат расширяется, а неконтролируемое им социальное пространство сжимается, так что в итоге сегодня в России количество чиновников в расчете на душу населения в тридцать три раза больше, чем во времена Петра I. Одновременно растут

редистрибутивные аппетиты государства – через бюджет прокачивается в пять, а то и в десять раз большая часть ВВП, чем в абсолютистских режимах старого времени. Понятно, что в таком политико-экономическом контексте формирование гражданского общества выглядит довольно проблематично, однако и простым разгосударствлением дела не решить. Опыт показывает, что деградация *Gemeinschaft* вовсе не тождественна росту *Gesellschaft*; гражданское общество не есть неизбежный продукт некоего автогенезиса, и при отсутствии корпоративистских и локалистских традиций мышления и действия ожидать его самопроизвольного становления не приходится. Подводя итог, можно сказать, что гражданское общество в России имеет богатую предысторию, но собственно история его только начинается, и каким оно будет – вопрос остается открытым, ибо «учительница жизни» в данном случае нас ничему не может научить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пыпин А.Н. Массонство в России / А.Н. Пыпин. - М., 1997. - С. 242.
2. Федоров В.А. Декабристы и их время / В.А. Федоров. - М., 1992. - С. 50.
3. Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны / Т.А. Бакунина. - М., 1991. - С. 116–117.
Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки сенатора И.В. Лопухина. - М., 1990. - С. 33, 80.
4. Сперанский М.М. Проекты и записки / М.М. Сперанский. - М.-Л., 1961. - С. 20, 35.
5. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве / И.Т. Посошков. - М., 1937. - С. 160, 285, 317.
6. Лунин М.С. Письма из Сибири / М.С. Лунин. - М., 1988. - С. 137.
7. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / М.И. Пыляев. - М., 1997. - С. 213–220.
8. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны / М.Аронсон, С. Рейсер. - Л., 1929.
9. Павлова Л.Я. Декабристы – участники войн 1805 – 1814 гг. / Л.Я. Павлова. - М., 1979. - С. 14–15.
10. Мемуары декабристов. - М., 1988. - С. 26.
11. Фонвизин М.А. Сочинения и письма / М.А. Фонвизин // В 2-х т. - Иркутск, 1982. - Т. 2. - С. 185.
12. Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества / М.А. Давыдов. - М., 1994. - С. 21.
13. Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы. (Александр I. Его сподвижники. Декабристы) / С.А. Экштут. - М., 1994. - С. 50.
14. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. - М., 1986. - С. 20.
15. Кюстин А. Николаевская Россия / А. Кюстин. - М., 1990. - С. 124.
16. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. - М., 1996. - Кн. 2. - С. 15.